

Н. А. Римский-Корсаков

„Майская ночь“

N. Rimsky-Korsakov

“May Night”

N. Rimsky-Korsakov

„La nuit de mai“

LIBRETTO

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

«МАЙСКАЯ НОЧЬ»

Опера в 3-х действиях (4 картинах)

Первую мысль об опере «Майская ночь» на сюжет одноименной повести Гоголя подсказала Римскому-Корсакову его жена Надежда Николаевна Пургольд. Вот что пишет об этом сам композитор: «Я с детства своего обожал «Вечера на хуторе», и «Майская ночь» нравилась мне чуть ли не преимущественно перед всеми повестями этого цикла.

Жена моя, еще будучи моей невестой, часто уговаривала меня написать когда-нибудь оперу на этот сюжет. Мы вместе с ней читали эту повесть в день, когда я сделал ей предложение. С тех пор мысль о «Майской ночи» не покидала меня...».

Сочиняя оперу, Римский-Корсаков был полон этими дорогими для него воспоминаниями. Отсюда — окрашивающий всю оперу светлый весенний колорит. По удачному определению академика Б. Асафьева, «Майская ночь» — опера хрупкой кристальной звучности и нежного плетения ритмов, опера мягких мелодических контрастов и мечтательно-любовной лирики».

«Майская ночь» — вторая по счету опера Римского-Корсакова — написана в 1878 году (сценическая премьера оперы состоялась 9 января 1880 года в Мариинском театре в Петербурге под упр. Э. Направника). Содержание гоголевской повести отнесено в ней ко времени весенних «зеленых святков», или, что то же самое, к русальной или Троицкой неделе. В предисловии к либретто оперы Римский-Корсаков пишет: «Появление русалок в это время, по народному преданию, в особенности часто и страшно. На зеленых святках водят троицкие хороводы, завивают венки и поют особые троицкие или русалочные песни».

«Майская ночь» — одна из наиболее песенных русских опер. Вся ее музыка пронизана интонациями народной песни — русской и украинской.

Большое место в «Майской ночи» отведено, наряду с лирикой, фантастике. Без нее не обходится у Римского-Корсакова ни одна из его сказочных опер. Волшебные силы, различного рода превращения и чудеса действуют и в поэтической весенней сказке «Снегурочка», и в былинном повествовании о Садко.

Как и в большинстве народных сказок, чудесное в этих операх — лишь особая поэтическая форма, за которой скрывается и в которой выражает себя глубоко народное содержание: неугасимое стремление к правде жизни, вера в победу добра над злом, света над тьмой, красоты над безобразием. Такова в сущности своей и опера «Майская ночь» с ее волшебными картинами ночной природы, хорами русалок, злой мачехой-ведьмой и таинственной нежно-печальной Панночкой. Ее доброе и нежное сердце помогло влюбленному казаку Левко и его ясноокой Ганне обрести свое счастье и наперекор старому сластолюбцу пану Голове справить веселую свадьбу.

Чудесное, фантастическое переплетается в «Майской ночи» с бытовым и реальным. Тут и народно-игровые песни, создающие поэтический фон действия, и комические сцены пана Головы, его сварливой Свояченицы, пьяного Каленика, Писаря, Винокура, и пленительный, гоголевский лиризм, в атмосфере которого расцветает любовь Ганны и Левко.

Лирический характер оперы отчетливо выступает уже в музыке увертюры, по-весеннему светлой и мечтательной.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

За увертюрой следует хор и хоровод на тему известной старинной русской песни «А мы просо сеяли». Хоровод этот, связанный со временем весенних посевов и одновременно со старинными народными праздничными обрядами, сразу вводит слушателя в бытовую обстановку действия.

Отзвучал хоровод, и на сцену выходит молодой казак Левко, сын сельского Головы. Он останавливается перед дверью хаты, окруженной невысокими вишневыми деревьями, и тихо поет на мотив популярной малороссийской песни «Солнце низенько» («Солнышко низко, вечер уж близко, выйди, сердечко мое, хоть на миг!»).

«Не спишь ты, гордая дивчина,
А издеваться надо мной
Тебе, знать, весело! Прощай!...»

Так бы и ушел казак. Но... дверь распахнулась, и девушка на пороге семнадцатой весны, робко оглядываясь, переступила через порог. «Постой! Уж ты и рассердился!». Речитатив сменяется нежным любовным дуэтом. Спускается ночь. Ганна просит Левко рассказать ей о заброшенном панском доме, что чернеется вдаль за озером.

«Давно это было, — начинает свой рассказ Левко. — Жил сотник в том доме, красавица дочка была у него». Женился вдовец-сотник на молодой, а та невзлюбила падчерицу и заставила мужа прогнать ее из дому. С горя бросилась Панночка в озеро и стала русалкой, но и злодейку-мачеху утащила на дно. Сотникова жена была ведьмой, обернулась русалкой, и Панночка никак не может ее узнать. С той поры лунными ночами выходят русалки на берег и, если увидят человека, заставляют отыскивать мачеху-ведьму.

Нежный шопот влюбленных нарушают приближающиеся голоса. То возвратились из лесу разукрашенные цветами и венками девушки, звонкой песней чествуя праздник весеннего цветения.

Выходит загулявший Каленик. Отплясывая гопака, он на чем свет поносит сельского Голову: «Сам себе я голова». Пья-

ного окружают девушки. Ради потехи его направляют в хату пана Головы. Не успели девушки разойтись, как у дверей хаты Ганны вырастает тучная фигура пана Головы. Старый греводник молит девушку полюбить его.

Наблюдающий всю сцену Левко дает знак толпе парубков. На Голову набрасываются и с криками «прощай, Ганна» обнимают и целуют его. Голова едва уносит ноги. Но раздосадованный Левко на этом не успокаивается. Он предлагает товарищам как следует проучить отца.

Переодевшись кто во что попало, вся ватага с песнями и шумом двинулась по направлению к хате Головы.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Первая картина. Действие происходит в хате Головы. Хозяин и Винокур, приехавший строить на селе винокурню, ведут между собой неторопливый разговор. Сидящая поодаль свояченица Головы кокетничает с приглянувшимся ей гостем.

Неожиданно с шумом вваливается пьяный Каленик. Он ведет себя в чужой хате как хозяин и с ожесточением ругает Голову. Не сдобровать бы Каленику за такие речи, но в это время увесистый камень, разбив окно вдребезги, полетел под ноги Головы. И тут же под окном заиграла музыка и вихрем зашумела песня про Голову, полная откровенной издевки. То Левко и его товарищи-казаки пришли под окно к Голове спеть «ночную серенаду». В бешенстве выскакивает Голова на улицу. И не сдобровать было б Левко, наряженному в черный вывороченный тулуп, с вымазанным сажей лицом, если бы не удалось вырваться из крепких рук Головы.

В погоне за ним пан Голова наткнулся в темноте на Свояченицу, приняв ее за того самого озорника, который только что распевал песни. Голова вталкивает Свояченицу в каморку и запирает дверь.

Входит Писарь. Перепуганный смутьянами, он спешит сообщить пану Голове, что самый главный из них сидит у него под замком. «А в чем одет он, пан Писарь?» Услышав про черный вывороченный тулуп, Голова торжественно заявляет Писарю, что человек этот сидит у него в каморе. Камору открывают и из нее к конфузу хозяина выходит разъяренная свояченица. Оставшаяся компания решает отправиться на поиски и расправу с бунтовщиками.

Вторая картина. У хаты Писаря. Голова, Писарь и Винокур поочередно смотрят в замочную скважину и с криком «сатана!» отскакивают. С перепугу решают запалить хату. Дрожь от страха, они все-таки отворяют чулан, и к ужасу всей честной компании из него вылезает... Свояченица!.. Проклятые хлопцы схватили ее и через окно опустили в чулан, а ставни забили. Комическая сцена завершается появлением десятских, которые с воплями: «Поймали! Поймали!» тащут пьяного Каленика. Рассвирепевший Голова отдает приказ «изловить разбойника».

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тихая майская ночь. Луна освещает озеро, старый панский дом с запертыми ставнями. С бандурой в руке входит Левко. С нежностью вспоминает он о Ганне (речитатив и пес-

ня «Сли, моя красавица»). Окно в доме открывается, и в нем показывается Панночка-утопленница. Не успел Левко прийти в себя от изумления, как на берег вышли с пением русалки и начался их ночной девичий хор с плетением венков. Печально молит Панночка Левко: «Молодец милый, найди мне ее, мачеху злую мою... Здесь она, здесь...» Начинается игра в бсрона. «Кому быть вороном?». Никто не соглашается, всем жалко отнимать птенцов у бедной матери, вызывается лишь одна. Но Левко уже узнал ее: «Вот она, вот она ведьма!». Русалки с криком бросаются на мачеху, увлекают ее в воду и исчезают вместе с нею.

Обрадованная Панночка вручает Левко записку для Головы и желает счастья с любимой.

Светаает, всходит солнце. Тишину нарушают крики погоны. На сцену вбегают Голова, Писарь, Винокур, с ними десятиские.

По приказу Головы Левко хватают и собираются вязать. Но он передает отцу записку. В ней — приказ комиссара женить Левко на Ганне.

Среди общего веселья влюбленные с благодарностью вспоминают даровавшую им счастье бедную Панночку. Парни и девушки славят жениха и невесту.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ, «Майская ночь», опера

Д 05404-09

Эти грампластинки отличаются великолепным звучанием и превосходным исполнением.

Д 7045-46 П. Чайковский. Фрагменты из балета «Спящая красавица»

Д 6049-50 А. Глазунов. Фрагменты из балета «Раймонда»

Д 0006245-46 А. Хачатурян. Фрагменты из балета «Спартак»

“MAY NIGHT”

An Opera in Three Acts and Four Scenes by Rimsky-Korsakov

The idea of “May Night,” the opera based on Gogol’s tale of the same name, was first suggested by the composer’s wife Nadezhda Purgold. As Rimsky-Korsakov himself wrote: “From childhood I was most fond of ‘Evenings on a Farmstead Near Dikanka’ preferring ‘May Night’ to practically all the other stories in the collection. Even before we were married, my fiancée and prospective wife often tried to get me compose an opera around this plot. We were reading the story on the day I proposed. Ever since I always had ‘May Night’ in mind.”

This cherished recollection inspired Rimsky-Korsakov which explains the opera’s radiant tone, and flavour of spring. As Academician Boris Asafyev aptly noted, “‘May Night’ is a limp pure opera in which rhythms tenderly interweave, an opera of mellowly contrasting melody and dreamy lyricism.”

“May Night” was Rimsky-Korsakov’s second opera. Composed in 1879, it was first performed on January 9, 1880, at the Mariinsky Theatre in St. Petersburg with Napravnik conducting.

In the opera the action of Gogol’s story takes place in spring in the week before Whitsuntide. In the preface to the text Rimsky-Korsakov wrote: “As folk legends have it, there is a particularly fearful profusion of water nymphs at the time. Before Whitsuntide they dance reels, plait wreaths and sing their songs.”

“May Night” ranks among Russian operas with the greatest number of songs. In fact, the entire music is permeated with Russian and Ukrainian folk tunes.

Besides lyricism, “May Night” also has much that is magic and fantastic — which, as a matter of fact, is evident in all of Rimsky-Korsakov’s fairy tale operas. For example, there are elves, sprites and sundry wonders and transformations both in the poetic “Snow Maiden” and the epic of Sadko.

But as in most folk tales the magic in these operas is but a particular poetic way expressing a sturdy profound national characteristics: an unquenchable seeking for the truth, and belief in the triumph of good over evil, light over darkness, and beauty over ugliness. Such is “May Night,” with its fantastic glimpses of nighbound scenery, the dances of the water nymphs, the cruel stepmother and witch and the mysterious, tenderly sad queen of the water nymphs — the officer’s daughter who drowned herself to end her misery. She helps the Cosack youth Levko and his clear-eyed betrothed Ganna to wed and be happy in defiance of the old Elder’s lewd cravings.

In the opera, the magic and fantastic alternates with everyday life. Folk songs and chants provide the poetic background; there are comic scenes with the Elder, termagant sister-in-law, the drunken Kalennik, the Scribe and the Winemaker taking part; and Gogol’s captivating lyricism creates that atmosphere in which the love of Ganna and Levko blossoms.

The opera’s lyricism is manifest already in the gay and dreamy overture.

ACT I

This is followed by a chorus and reel based on the well-known old Russian song "When We Were Sowing Millet." Since this reel is linked up both with the spring so wings and old festival rites, it at once introduces the listener to the time of action.

After the reel, the young Cossack Levko, son of the village Elder, emerges. He stops before the door of a cottage that stands amidst small cherry trees, and sings quietly to the tune of the popular Ukrainian song "The Sun Is Low" ("The sun is low, evening is nigh, so come out sweetheart even for a moment!"). "You do not sleep, proud maiden, and taunt me. This makes you gay, so farewell!" he sings. Levko is about to go when the door opens and a 17-year-old girl steps out glancing round timidly. "Wait!" she cries, "don't be angry!". A tender amorous duet follows.

Night falls. Ganna asks Levko to tell her the story of the neglected mansion whose silhouette looms dark beyond the lake.

"It was long, long ago," Levko begins. "There once lived in there an officer who had a beautiful daughter." The widowed officer married again, but the new wife grew to hate the stepdaughter and forced her husband to cast her out. The miserable girl drowned herself in the lake and became a water nymph. However, the girl dragged her stepmother, who was really an evil witch down to the bottom of the lake. As the stepmother had transformed herself into a water nymph, the drowned girl failed to recognise her. Ever since, on moonlit nights the water nymphs swan ashore and, whenever they saw a human being compelled him to hunt for the evil stepmother.

The twain's tender whispers are interrupted by village girls adorned with flowers and wreaths who have returned from the woods. With a gay song they fête the festival of spring in blossom.

The drunken Kalennik enters. He dances a hopak, meanwhile cursing the village Elder high and low and singing "I am my own Elder." The girls surround the drunken man and disporting themselves direct him towards the Elder's cottage. Hardly have the girls dispersed when the corpulent Elder appears on the doorstep of Ganna's cottage. The lascivious old philanderer entreats the girl to give him her love.

Levko, who has been watching meanwhile, motions to a crowd of young men. They assail the Elder and with shouts of "Good-bye, Ganna" hug and kiss him. The Elder barely manages to escape. However, the vexed Levko can not content himself with that. He tells his companions that it is necessary to teach his father a proper lesson. Disguising themselves as mummers, the noisy throng heads for the Elder's cottage, singing boisterously the while.

ACT II

Scene One. Inside the Elder's cottage. The Elder and the Winemaker who wants to build a distillery in the village, are talking in low tones. The Elder's sister-in-law flirts with the guest who has caught her fancy. Suddenly the drunken Kalennik noisily breaks in. Behaving arrogantly he swears roundly at

the Elder. The Elder is about to severely admonish the drunkard when a stone smashes through the window and drops at his feet. There is music outside and a rollicking song full of taunts against the Elder. This is Levko and his companions, who have come to sing a "serenade" beneath the Elder's window. Furious, the Elder dashes out. Levko, who is dressed in a black sheepskin coat turned inside out and whose face is blackened with soot, barely manages to escape the Elder's clutches.

In pursuit of Levko the Elder stumbles in the darkness against his sister-in-law and mistakes her for the mischief-maker. He drags her in, pushes her into a box-room and locks the door.

The Scribe enters. Though in deadly fright, he hastens to inform the Elder that the ring-leader of the trouble makers is under lock and key at his place. The Elder asks the Scribe how the youth is dressed. On hearing that it was a black sheepskin coat turned inside out, he jubilantly informs the Scribe that he has the youth under lock and key in his own box-room. He unlocks the box-room and to his great confusion and dismay sees his sister-in-law tumble out. She can hardly contain herself for rage. The decision is taken to hunt down the mischief-makers and punish them.

Scene Two. Outside the Scribe's cottage. One by one the Elder, the Scribe and the Winemaker peer through the key-hole and jump back with cries of " 'Tis the devil himself." In a blue funk they decide to set fire to the cottage. However, though they are all trembling from fright, they open the box-room and, to their consternation again see the Elder's sister-in-law fall out. It seems that the young men had seized her and shoved her into the box-room through the window and had then nailed up the shutters.

This comical scene ends with police officers appearing; with shouts of "We've caught him!" they drag the drunken Kalennik. The infuriated Elder commands that the "robber be captured."

ACT III

A quiet May night. The moon shines down brightly on the lake and the neglected mansion with its barred shutters. Levko enters. He is carrying a bandore. He tenderly sings of Ganna ("Sleep, my beauty!"). A window opens and the officer's drowned daughter, now Queen of the water nymphs, appears. Levko is wonder-struck. Barely does he come to his senses, when water nymphs glide ashore and begin to dance, plaiting wreaths the while. Their Queen entreats Levko: "Brave young man, find my evil stepmother, she is here..."

The water nymphs play the raven game. All except one refuse—out of pity for the poor mother-bird, whose fledgelings the raven steals — to pretend to be the raven himself. Levko recognises the exception for the witch stepmother. With cries of anger the water nymphs drag the cruel stepmother into the lake and vanish with her. The Queen of the water nymphs is overjoyed. She hands to Levko a message for the Elder and wishes him and his betrothed every happiness.

Day breaks and the sun rises. The silence is interrupted by the shouts of pursuit. The Elder, the Scribe, the Winemaker and the police officers run in. The Elder orders Levko to be seized.

As they are about to bind him, he passes to his Father the note the water-nymph Queen gave him, which turns out to be an order from the authorities to marry Levko to Ganna.

General gaiety. The two lovers gratefully recall the Queen of the water nymphs who has made them happy. The young villagers sing anthems to the bride and groom.

Rimsky-Korsakov's "May Night" is reproduced on disc Д 05404-09, a high-fidelity recording of a superb performance. Other records we are sure you will like — if you are a lover of classical music — are disc Д 7045-46 with fragments from Chaikovsky's "Sleeping Beauty" ballet, disc Д 6049-50 with fragments from Glazounov's "Raymonda" ballet and disc Д 0006245-46, with fragments from Khachaturyan's "Spartacus" ballet.

N. RIMSKY-KORSAKOV

«LA NUIT DE MAI»

Opéra en 3 actes et 4 tableaux

L'idée initiale d'un opéra intitulé «La nuit de mai», sur le sujet de la nouvelle de Gogol, fut suggérée à Rimsky-Korsakov par sa femme Nadejda Purgold. Voici ce que dit le compositeur à ce propos: «Depuis la première enfance j'adorais «Les soirées à la ferme près de la Dikagnka», et «La Nuit de mai» me plaisait certainement plus que toutes les autres nouvelles de ce cycle.

Souvent ma femme, à l'époque encore ma fiancée, me jurait d'écrire un jour un opéra sur ce sujet. Justement nous lisons ensemble cette nouvelle le jour où je lui ai demandé sa main. Depuis l'idée d'une «Nuit de mai» ne m'a plus quitté...».

Tout le temps qu'il travaille à cet opéra, ce souvenir particulièrement cher ne devait plus laisser Rimsky-Korsakov. De là ce frais coloris printanier qui baigne la totalité de l'œuvre. Comme l'a fort bien dit l'académicien B. Assafiev, «La musique de «La Nuit de mai» possède les sonorités fragiles du cristal, des rythmes tendrement entrelacés; c'est un opéra fait de doux contrastes mélodiques, respirant le lyrisme de la contemplation amoureuse».

L'œuvre est le second opéra du compositeur, écrit en 1878 (la première eut lieu le 9 janvier 1880, au théâtre Mariinsky de Pétersbourg, sous la direction de E. Napravnik). L'action de la nouvelle de Gogol y est reportée à l'époque des «fêtes vertes» printanières, ou, ce qui équivalant, à la semaine des «roussalka» (ondines) ou semaine de la Trinité. Dans la préface pour le livret de l'opéra, Rimsky-Korsakov précise: «L'apparition des ondines à cette époque, dit la superstition populaire, est particulièrement fréquente et effrayante. Aux jours des «fêtes vertes» on conduise des «rondes trinitaires», tresse des couronnes et entonne des chansons particulières, dites «de la Trinité» ou des «roussalka».

«La Nuit de mai» est l'un des opéras russes les plus chantants. Sa musique est véritablement imprégnée de la mélodie folklorique russe et ukrainienne.

Outre le lyrisme, une grande place y est réservée au fantastique. Rimsky-Korsakov ne manque pas d'y recourir dans chacun de ses opéras-contes. Les forces magiques, les métamorphoses et prodiges de toutes sortes trouvent leur place dans le poétique conte de printemps «Snégourotchka» (La Fille des Neiges) comme dans le récit épique de Sadko.

Ainsi que dans la majorité des contes folkloriques, le merveilleux dans ces opéras n'est qu'une forme poétique particulière qui cache et permet d'exprimer une profonde teneur populaire: aspiration inextinguible à la vérité de la vie, foi en la victoire du bien sur le mal, de la lumière sur les ténèbres, du beau sur le laid. Tel est dans son essence l'opéra «La Nuit de mai», avec ses tableaux pleins du sortilège de la nature nocturne, ses rondes d'ondines, sa cruelle belle-mère-sorcière et la Pannotchka tendrement et mélancoliquement mystérieuse. Sa bonté et sa compassion ont aidé le cosaque Lévkou et sa Ganna au regard lumineux à obtenir leur bonheur, et au grand dam de ce vieux gourman de pan Golova, de fêter de joyeuses noces.

Merveilleux et fantastique se mélangent dans «La Nuit de mai» aux traits de la vie de tous les jours et au réel. Nous avons là des chansons de jeu folkloriques qui créent un fond poétique à l'action; les scènes comiques de pan Golova, de son acariâtre belle-soeur, de l'ivrogne Kalénik, du Clerc, du Bouilleur, le tout baignant dans le charme du lyrisme gogolien, dans l'atmosphère duquel s'épanouit l'amour de Ganna et de Lévkó.

Le caractère lyrique de l'opéra transparait dès l'ouverture, d'une luminosité et d'une méditation toute printanière.

ACTE I

A l'ouverture fait suite un chœur et une ronde sur le thème d'une vieille chanson russe bien connue: «Nous autres, nous semions le millet». Cette ronde ayant trait à la saison des ensemencements de printemps ainsi qu'aux antiques rites populaires introduit derechef l'auditeur dans l'ambiance locale.

Les derniers accents de la ronde se sont éteints, en scène entre le jeune cosaque Lévkó, fils de Golova, le maire du village. Il s'arrête devant la porte d'une maison de torchis entourée de bas cerisiers et chantonne à voix basse sur l'air de «Le soleil baisse», chanson ukrainienne très populaire («Le soleil baisse, le soir est là, sors, mon cœur, ne serait-ce qu'un instant!»).

«Tu ne dors pas, fille orgueilleuse

Et il te plaît, à ce qu'on voit,

De te moquer de moi: Adieu donc!»...

Le cosaque serait parti là-dessus... si la porte ne s'était ouverte toute grande et une jeune fille allant sur son dix-septième printemps, jetant des regards effarouchés de tous côtés, n'en eut franchi le seuil. «Attends! Tu ne vas pas te fâcher!». Au récitatif succède un tendre duo d'amour. La nuit descend. Ganna prie Lévkó de lui raconter l'histoire de la maison seigneuriale abandonnée qui fait tache sombre derrière l'étang.

«C'était il y a longtemps, commence son récit Lévkó. Un Sotnik habitait cette maison, il avait une fille d'une beauté extraordinaire». Le veuf épousa une femme encore jeune qui prit en haine sa belle-fille et obligea son mari à la chasser. De douleur Pannotchka (c'était son nom) se jeta dans l'étang et devint une ondine, mais non sans entraîner dans les eaux la cruelle belle-mère. Or, la femme du sotnik était une sorcière et devenue ondine à son tour, Pannotchka n'est jamais parvenue à la reconnaître. Depuis ce temps, aux nuits de clair de lune, les ondines sortent sur la berge et s'il leur arrive d'apercevoir un homme, elles l'obligent à découvrir la sorcière.

Des voix qui s'approchent interrompent les tendres chuchotements des amoureux. Ce sont les jeunes filles ornées de fleurs et de couronnes qui rentrent du bois, célébrant par une chanson sonore la fête de la floraison printanière.

Arrive Kalénik, sur le gai. Exécutant un hopak effréné, il traite de tous les noms le maire Golova: «Je suis mon propre maire», affirme-t-il. Les jeunes filles entourent l'ivrogne. Pour s'amuser, on le pousse vers la demeure de pan Golova. Les jeunes filles ne se sont pas dispersées que devant la porte de la maison de Ganna apparaît la corpulente silhouette de pan Golova. Le vieux vicieux supplie la jeune fille de lui donner son amour.

Surveillant la scène, Lévkó fait un signe aux gars du village. La troupe se jette sur Golova et, au cri d'«adieu Ganna», l'ensevelit sous une avalanche d'accolades et d'embrassements. Golova a toutes les peines du monde à se tirer sain et sauf de ce mauvais pas. Mais Lévkó blessé au vif ne veut pas s'en tenir là. Il propose à ses camarades de donner une bonne leçon à son père.

Chacun se déguisant au petit bonheur la chance, toute la bande fait route avec bruit et chansons en direction de la maison de Golova.

ACTE 2

Premier tableau. L'action se déroule dans la maison de Golova. Le maître de céans et le Bouilleur, arrivé pour construire une distillerie au village, s'entretiennent posément. Assise à quelque distance, la belle-soeur de Golova minaude avec cet hôte qui semble à sa convenance.

Inopinément Kalénik, totalement éméché, entre avec fracas. Dans cette maison étrangère il se conduit comme chez lui et envoie un flot d'imprécations à la tête de Golova. Pareils discours n'eurent rien valu de bon à Kalénik si une pierre d'un poids respectable, faisant voler la vitre en éclats, n'était tombée aux pieds de Golova. Et au même instant une musique éclate, et l'on entend la chanson endiablée qui moque sans vergogne notre Golova interloqué. C'est Lévkó et ses cosaques de camarades qui sont venus pousser une «sérénade nocturne» sous la fenêtre de Golova. Au paroxysme de la rage, il se jette dans la rue et Lévkó, déguisé dans une pelisse noire retourné à l'envers, la figure passée à la suie aurait passé un mauvais quart d'heure s'il n'était parvenu à échapper aux solides poignes de Golova.

Dans la poursuite, ce dernier tombe dans l'obscurité sur sa belle-soeur, la prenant pour le chenapan qui chantait à l'instant ses chansons. Golova la pousse dans un cellier dont il ferme la porte à clé.

Entre le Clerc. Epouvanté par la saillie des gais lurons, il se hâte de faire savoir à pan Golova que le meneur est enfermé à clé chez lui. «Et dans quoi est-il donc habillé, pan Clerc?». Entendant parler de pelisse noire retournée, Golova triomphant déclare au Clerc que l'homme est enfermé dans son cellier. On ouvre celui-ci et à la grande confusion du propriétaire c'est la belle-soeur déchaînée qui s'en exhume. Le reliquat de l'assemblée décide de partir chercher et châtier les émeutiers.

Deuxième tableau. Devant la maison de torchis du Clerc, Golova, le Clerc et le Bouilleur regardent à tour de rôle dans le trou de la serrure et s'en arrachent en criant «Satan!». Au comble de l'effroi ils sont à deux doigts de faire flamber la maison. Tremblant comme des feuilles ils se décident tout de même à ouvrir l'antichambre et à la sainte horreur de toute cette noble compagnie... c'est encore la belle-soeur qui en sort. Les maudits garnements l'ont saisie et descendue dans l'antichambre par la fenêtre dont ils ont condamné les volets. Cette scène comique s'achève sur l'apparition des gendarmes qui, glapissant «On l'a attrapé! On l'a attrapé!» traînent Kalénik ivre-mort. Entrant dans une colère terrible, Golova ordonne de «mettre la main sur le brigand».

ACTE 3

Nuit de mai, nuit de silence. La lune jette sa pâle lueur sur l'étang, sur la vieille demeure seigneuriale aux volets clos. Entre Lévkó, la bandoura à la main. Il évoque avec tendresse sa Ganna bien-aimée (récitatif et chant «Dors, ma beauté»). Une fenêtré s'ouvre et Pannotchka-la noyée s'y montre. Lévkó n'est pas encore revenu de sa stupeur que les ondines sortent en chantant sur la berge et entament leur ronde nocturne des jeunes filles en tressant des couronnes. Des accents de tristesse indicible dans la voix, Pannotchka supplie Lévkó: «Beau gars, tendre cœur, trouve la, ma cruelle belle-mère. . . Elle est ici, ici. . .». On commence le jeu du corbeau. «Qui sera le corbeau?» Personne n'accepte, tout le monde aurait du chagrin à arracher à la pauvre mère ses oiselets; une seule s'y offre. Mais déjà Lévkó l'a reconnue: «La voici, la voici, la sorcière!» Dans un vacarme de cris, les ondines se jettent sur la belle-mère, l'entraînent sous les eaux et disparaissent avec elle.

Sa vengeance enfin assouvie, Pannotchka remet à Lévkó un billet adressé à Golova et lui souhaite de connaître la bonheur avec sa bien-aimée.

Le jour se fait, le soleil émerge. Les cris d'une poursuite rompent le silence. Sur la scène accourent Golova, le Clerc, le Bouilleur et les gendarmes.

Sur un ordre de Golova, Lévkó est saisi et on va lui passer des cordes. Mais il remet le billet à son père qui y lit une disposition du commissaire ordonnant de marier Lévkó et Ganna.

Dans la liesse générale, les amoureux ont une pensée reconnaissante pour la pauvre Pannotchka qui leur a donné le bonheur. Jeunes gens et jeunes filles célèbrent les fiancés.

Rimsky-Korsakov. «La Nuit de mai», opéra en 3 actes.
n° Д 05404-09.

La qualité de la gravure et l'interprétation de cet enregistrement en font une réalisation exceptionnelle.

Д 7045-46 P. Tchaïkovski. Extraits du ballet «La Belle au Bois dormant».

Д 6049-50 A. Glazounov. Extraits du ballet «Raymonde».

Д 0006245-46 A. Khatchatourian. Extraits du ballet «Spartakus».

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
1 (6 сторон)
Д-05404(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ. Опера «МАЙСКАЯ НОЧЬ»
N. RIMSKY-KORSAKOV
"MAY NIGHT"
Overture, Act I
Village street
S. LEMESHEV (Levko)
V. BORISENKO (Ganna)
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
Conductor V. Nebolsin

43-10-1-74-2

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
МЕЛОДИЯ
АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

▽ 33

ТУ-43.10.1.74
2 (6 сторон)
Д-05405(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ. Опера «МАЙСКАЯ НОЧЬ»
N. RIMSKY-KORSAKOV
"MAY NIGHT"
Act I (contd)
S. LEMESHEV
V. BORISENKO
P. VOLOVOV (Kalenik)

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
МЕЛОДИЯ

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
3 (6 сторон)
Д-05406(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ. Опера «МАЙСКАЯ НОЧЬ»
N. RIMSKY-KORSAKOV
"MAY NIGHT"
Act I (end)
Act II, Scene 1
The hut of the village elder
S. KRASOVSKY (Village elder)
S. LEMPSHEV
E. VERBITSKAYA (Sister-in-law)
V. BORISENKO
V. SHEVTSOV (Vinokur)
P. VOLOVOV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
4 (6 сторон)
Д-05407(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ, Опера «МАЙСКАЯ НОЧЬ»
N. RIMSKY-KORSAKOV
"MAY NIGHT"
Act II, Scene 1 (end)
Act II, Scene 2
Street by the hut of the village clerk
S. KRASOVSKY, S. LEMESHEV
E. VERBITSKAYA
V. TYUTYUNNIK (Clerk)
V. SHEVTSOV, P. VOLOVOV

33-05407/2-

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
МЕЛОДИЯ

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
5 (6 сторон)
Д-05408(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ. Опера «МАЙСКАЯ НОЧЬ»
N. RIMSKY-KORSAKOV
"MAY NIGHT"
Act III
On the bank of the pond
S. LEMESHEV
I. MASLENNIKOVA
("Pannochka")

Д-05408/2

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
МЕЛОДИЯ

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
6 (6 сторон)
Д-05409 (а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ, Опера «МАЙСКАЯ НОЧЬ»
N. RIMSKY-KORSAKOV
"MAY NIGHT"
Act III (end)
S. KRASOVSKY, S. LEMESHEV
E. VERBITSKAYA, V. BORISENKO
V. TYUTYUNNIK, V. SHEVTSOV
P. VOLOVOV, I. MASLENNIKOVA
N. KLYAGINA (1st mermaid)
E. GRIBOVA (2nd mermaid)
O. INSAKOVA (step-mother)